

«Стой! выпала люлька!»

Ответ московским хулителям Георгия Владимова

Итак, любимец чекистов советский писатель Богомолов обвинил Г.Владимова в «очернительстве войны» (на что последний резонно заметил, что не осветлять же это предосудительное занятие рода человеческого), в «нелепо-уничжительном изображении советских военнослужащих» и т.п.

Ответ Г.Владимова В.Богомолову слишком длинный, чтобы его тут пересказывать, но он решительно не понравился редакции «Книжного обозрения» (являющегося теперь, как мы понимаем, одним из бастионов советского сопротивления), и для полемики с Г.Владимовым она выбрала тот безошибочный, узнаваемый стиль, которым писали еще легендарные Кассис и Колосов в своих писаниях о диссидентах, Сахарове и Солженицыне. Ну-ка, посмотрим: «Пасквильным измышлением является и утверждение Г.Владимова о конфликте Богомолова с Тарковским» (набрано жирным шрифтом).

Скрупулезно, по месяцам, дается прохождение книги В.Богомолова «В августе сорок четвертого» по советским редакциям и те помехи, которые ей чинились. Прочитав несколько глав из книги В.Букковского «Московский процесс», публикуемой сейчас в «РМ», понимаешь, что ничего удивительного в этом нет, раз даже поэт Долматовский иной раз имел проблемы с ЦК. Такова уж была советская жизнь. Коммунисты добросовестно портили жизнь всем, не исключая и себя.

Ответ Г.Владимова В.Богомолову вышел с запозданием в несколько месяцев, и редакция это мотивирует, дескать, обязательства перед другими авторами и т.п. На самом деле эти месяцы радители Богомолова посвящали разысканиям и привлечением разных угодных им свидетелей, чтобы уличить Г.Владимова хоть в чем-то.

Но посмотрим, что они пишут сами, приведем еще образец их гебистско-цековского стиля: «...явные симпатии Владимова на стороне гитлеровского вермахта и его курируемого СС РОА».

Странная претензия к романисту.

Во-первых, романист, чтобы написать о чем-то, должен вжиться сначала в тот предмет, о котором он пишет, а инструментарий для этого один: симпатии, заинтересованность, любовь. Из чего они вывели про его симпатии, правда, остается неизвестным. Наверно, оттого, что Г.Владимов в романе описывает, а в статье защищает от клеветы Г.Гудериана, у которого после войны не нашли ни одного военного преступления и за это его не осуждали (и вообще ни за что не осуждали, поскольку он был

солдат, а не преступник).

Во-вторых, РОА (Русская освободительная армия генерала Власова) никаким СС не курировалась.

И, наконец, редакция «Книжного обозрения» докопалась до какого-то бывшего летчика по фамилии Хромушин, который им прислал письмо, где возмущается как раз главой романа Владимова, напечатанной в «Русской мысли», вернее, тем местом в ней, где происходит воздушный бой, который вкратце изложен в начале этих заметок. Вот этого лично мне хотелось бы коснуться особенно.

Бывший летчик Хромушин пишет: «...летчик, находясь в кабине, не видит и не может видеть ни колеса шасси, ни находящегося под ним самолета. (...) При скорости «Фоккера» («Фокке-Вульф-190») до 700 км он, мгновенно сделав маневр, через секунды будет за 800-1000 м от «кобры» и поговорит с распевающим веселые песенки Галаганом при помощи крупнокалиберной (через вал редуктора) 20-миллиметровой пушки и двух крупнокалиберных крыльевых пулеметов. Подобного бреда сивой кобылы в описании воздушного боя я за полвека с лишним не встречал ни в одной книге или статье о войне. Что касается деталей, передайте писателю, что ни закрылок, ни предкрылок, изображенных Владимовым, у «кобры» не было, — я воевал на этом самолете 21 месяц».

Спасибо, конечно, ветерану за закрылки и предкрылки (они, вообще говоря, на самолетах той эпохи были, но неуправляемые), но ветеран, видимо, напрочь забыл, что 20-миллиметровая пушка крупнокалиберной отнюдь не является (на «Фокке-Вульфе», кстати, стояло две 20-мм пушки и 4 пулемета), а является таковой в авиации пушка калибра 37 миллиметров — аккуратно та, что стояла (помимо четырех пулеметов) на истребителе «Аэрокобра».

Далее. «Кобра» образца 1941 года и «Фокке-Вульф» 1942 года имели сходные скорости — порядка 600 километров в час — только модификация «Фокке-Вульфа» 1944 года имела скорость 700 км/час (а 1945-го — аж 750 км/час, но на высоте 10 тыс. метров) — да дело-то в романе Владимова происходит в 1943 году.

Кроме того, «кобра» имела очень необычную конструктивную схему: мотор на ней стоял за спиной летчика, то есть центр тяжести был в середине самолета, и это давало ей фантастические преимущества в маневре не только перед «Фокке-Вульфом», который был тяжелее ее, но даже и перед легким и маневренным «Мессершмиттом». Но даже если

представить себе (как сделал бывший летчик), что «кобра» образца 1941 года встречается на низких высотах с «фоккером» образца 1944 года, то за несколько секунд он от нее на 800 метров не уйдет — уйдет он от нее на указанное расстояние только в том случае, если «кобра» застынет подобно вертолету. Кроме того, на сверхнизких высотах никто со скоростью 700 км/час тогда не летал — бортовых компьютеров не имелось.

Наконец, про описания воздушных боев за последние 50 лет. Действительно, за эти десятилетия появились бесчисленные мемуары летчиков. Но описание воздушных боев является наиболее слабым местом, и практически ни в одной книге не описывается точная конфигурация боя, а только все про «героизм» и «мужество» да про мифическое «превосходство» советских летчиков над немецкими. Единственный летчик, достоверно и психологически точно описавший диспозицию воздушного боя советско-германской войны, был Арсений Ворожейкин. Вот если бы тов. Хромушин вместо неуместных «разоблачений» романиста Владимова взял бы и описал несколько своих воздушных боев, если они у него были (говорят, такие подробности не забываются всю жизнь), это было бы дело. Да и вообще рассказал бы о службе «Аэрокобры» советским ВВС. Это было бы на пользу делу — и в России, и на Западе нашлось бы много заинтересованных читателей у такого текста.

Притянутое старому летчику иметь технические претензии к романисту, но что касается редакции «Книжного обозрения», то хочется спросить у нее: читала ли она когда-нибудь, например, повесть Гоголя «Тарас Бульба»? Из-за желания подобрать люльку с табаком Тарас потерял свою головушку. Люлька с табаком! Но какая люлька, если дело происходит в 16-м веке, когда даже в Голландии еще никакого табака не было! А уж про явные симпатии Гоголя к польскому «вермахту» и перебежнику («власовцу») Андрию и говорить не приходится. Что же касается соответствия бытовых и исторических реалий в повести Гоголя тому периоду, который в ней описывается, то вот где настоящее поле деятельности для редакции «Книжного обозрения».

Вообще же, если кто пишет сам, свое, творческое, всегда бывают неминуемые ошибки в деталях, причем это касается всех — от Шекспира до Пастернака. И, по-моему, никакой трагедией домисливание тормозных щитков у «кобры» не является. Это дело будущих комментаторов одного из первых нормальных романов о войне — романа Георгия Владимова «Генерал и его армия».

АНАТОЛИЙ КОПЕЙКИН

Париж